

1

Я понял, что добром все это не кончится, едва переступил порог оружейной лавки. Так позже, много позже признаётся Васко, когда мы с ним будем вместе сидеть на террасе кафе. В тот день — то есть в день, когда Васко зашел в оружейную лавку, — он получил письмо с настолько серьезными угрозами, что решил обзавестись огнестрельным оружием.

Дело было в октябре, в пятницу около полудня, неподалеку от Северного вокзала. В витрине, скажет мне Васко, кроме винтовок и пистолетов, всяких браунингов, кольтов, люгеров и беретт, — слова знакомые, но он едва ли знал, что именно они обозначают: модели или виды оружия; “беретта”, например, это что: название системы или одной определенной марки, или же имя собственное, ставшее нарицательным? — помимо этого всего, в витрине было разложено холодное оружие: кортики, шпаги, кинжалы, ножи и даже сабля для шампанского.

Хозяин лавки сидел внутри на табуретке, перед компьютером, с бутербродом в руке.

Он поднял голову: чем могу служить?

Да вот, сказал Васко, я думаю вступить в стрелковый клуб, что вы мне посоветуете?

Эээ, протянул оружейник, придется вам зайти через годик...

И объяснил Васко, что все не так просто, у нас не Америка, где каждый может вынести из магазина в бумажном кульке пистолет, точно дюжину пончиков, — нет, во Франции требуется разрешение, а чтобы получить его, надо соответствовать определенным условиям: быть совершеннолетним, состоять в стрелковом клубе, не иметь за плечами судимости и принудительного психиатрического лечения и так далее. Обращаться за разрешением следует в префектуру, приложив к заявлению кучу бумаг, документов, справок, свидетельств, анкет, и все это может затянуться на месяцы, если не на целый год, а могут, посулил оружейник, и вообще не дать разрешения, учитывая все эти нынешние теракты.

А что делать, если мне угрожают и я должен защищаться? — спросил Васко.

В таком случае лучше всего, посоветовал оружейник, подойдет телескопическая дубинка, вот такая, как эта. Он достал из витрины черную никелированную дубинку с рукояткой из рифленой резины, чтобы не скользила в руке, — “идеальная модель экстра-класса всего за 59 евро и 90 сантиметров”. Дайте-ка посмотреть, попросил Васко. В сложенном виде дубинка была длиной в двадцать один сантиметр, а в раскрытом — пятьдесят три, в самый раз, чтобы держать нападающего на расстоянии.

Лучше так, чем никак, подумал Васко и вышел из лавки с телескопической дубинкой в нейлоновом чехле. Почти месяц он выходил из дому не иначе как с этой дубинкой и с замиранием сердца, потому что каждую минуту ждал, что столкнется у подъезда с Эдгаром, вооруженным бейсбольной битой; тот так ведь и написал в своем электронном письме: мозги тебе вышибу битой.

Для самоуспокоения Васко нежно поглаживал дубинку — “Ты ж моя хорошая!”: достаточно схватиться за рукоятку, потряхнуть, и хоп! — она раскроется на всю длину. И превратится в мощное оружие — врежешь разок в челюсть, обещал оружейник, и твой противник полгода будет только жидкий супчик хлебать. Вот так Васко и думал об Эдгаре: только подойди — будешь у меня полгода на жидком супчике.

2

Так вот это о чем! — воскликнул судебный следователь:

Ни кольт, ни люгер,
Ни браунинг, ни беретта,
Жри супчик, Эдгар!¹

Ну да, сказал я. Это хайку. Посчитайте слоги: пять — семь — пять. Всего семнадцать.

Где же семнадцать? — Следователь тихонько бормотал по слогам и загибал пальцы:

Ни-кольт-ни-лю-гер (5)
Ни-бра-у-нинг-ни-бе-рет-та (8)
Жри-суп-чик-Эд-гар (5).

Во второй строчке не семь слогов, а восемь.

Нет, семь. Из-за дифтонга: *брау* — это один

¹ По просьбе автора все стихи из тетради Васко даны в оригинале в конце книги.

слог. В стихах слоги могут укорачиваться или удлиняться, если это нужно для размера. Вот, например, если сказать “ты судья, блюститель права”, это будет не только грубая лесть, но еще и четырехстопный хорей, а если по-другому: “ты судия, блюститель права”, получится уже четырехстопный ямб. Так что, считая *брау* одним слогом, мы получим в строчке семь слогов, а в трех — семнадцать. Но вы меня вообще-то не затем позвали, чтоб я вам курс стихосложения читал.

Верно, сказал следователь. Вюйбер, принесите мне вещественное доказательство номер один.

Секретарь пошел за вещдоком номер один, а следователь тем временем закурил сигаретку. Он и мне предложил, но я не курю, никогда в жизни не курил, тогда он стал курить один, пуская дым в открытое окно и задумчиво глядя на фонтан Сен-Мишель; волосы его трепетали, их трепал ветерок, жабо ниспадало на грудь — ни дать ни взять поэт, а может, поэзия и была его истинным призванием и жить он хотел как поэт. Может, он очутился на студенческой скамье юридического факультета случайно, потом, случайно, в Национальной школе судопроизводства, а позже, уж совсем случайно, — в парижском Дворце правосудия, где изучал дела, расследовал обстоятельства, допрашивал свидетелей, но в глубине души все это время мечтал об одном — стать поэтом или просто играть в поэта, принять подходящую позу: разглядывать закат над Сеной в съехавшем набок жабо и декламировать сонеты.

Вот о чем думал я, ну а он... он думал о бесстрастных реках, об Аквитанском принце на разо-

ренной башне, о том, что плоть, увы, устала и что издалека льется тоска скрипки осенней¹, или о более прозаических вещах: о том, что скоро надо забирать из школы сыновей и не забыть зайти в химчистку — жена просила взять оттуда ее черную кожаную юбку, о сетчатых чулках с кружевными подвязками, которые она иной раз под нее надевает, а может, ни о чем не думал. Открылась дверь, вернулся секретарь, следователь потушил окурок о край подоконника.

Узнаёте его? — спросил он.

Если не ошибаюсь, это секретарь, ответил я.

Секретарь улыбнулся, а следователь лишь нахмурился.

Нахмурился и показал на доказательство номер один, которое принес секретарь: вот этот предмет узнаёте?

Еще бы не узнать! Я часами глядел на него, поглаживал рукоятку и дуло, брал с величайшей осторожностью в руки. Даже в шутку наводил его на Васко, нажимал на крючок, слушал, как звякает внутри, когда стреляешь вхолостую, без патрона, и собачка ударяет по барабану. Я бы узнал его из тысячи.

Ну так что, узнаёте?

Я мог бы ответить нет, не знаю, никогда не видел этот шестизарядный лефосе седьмого калибра, мог бы ответить — сожалею, вижу первый раз, но вспомнил, что давал присягу — клялся говорить правду и ничего, кроме правды, вспомнил, что даже

¹ Образы из хрестоматийных произведений А. Рембо, С. Малларме, П. Верлена. (Здесь и далее — прим. перев.)

поднимал правую руку, глядя в глаза следователю, тут, в его кабинете, и было видно, что шутить он не расположен.

Дайте-ка посмотреть, сказал я.

И вот я снова совсем близко видел этот револьвер и снова разглядел через прозрачный пластиковый пакет выгравированные на стволе перед барабаном буквы *ELG* со звездочкой, инициалы *JS* и, разумеется, серийный номер 14096, столь скандально прославленный в истории литературы.

Да, узнаю, признал я.

Следователь обрадовался: что ж, отлично! Продолжим устанавливать связь между револьвером и этой тетрадью.

Тетрадь — это первое, что он показал мне, когда я явился в его кабинет. Обыкновенная, фирмы “Клерфонтен”, в крупную клетку, формата 21 на 29,7 см. Из девяти страниц уцелело чуть больше половины, остальные нашли свой конец в моей мусорной корзине. Под тонкой прозрачной обложкой черным фломастером написано:

ВЛАСТИТЕЛЬ МОЙ И ГОСПОДИН

В тетради были стихи. Это нашли при Васко: револьвер и исписанную тетрадь с двумя десятками стихотворений, после баллистической экспертизы к этим уликам присоединилась третья: пороховые следы на руках. Вот и все, подумал тогда я, что осталось от великой любви.

Ну и ну, сказал я. Следователь не зря призвал меня — он не без основания полагал, что я помо-

гу ему разобраться в этом деле. Настоящая головоломка, пожаловался он, совсем нет свидетелей, вернее, свидетели есть, целых двести пятьдесят человек, но ни одного объективного, все так или иначе знали жертву, и все как один были на стороне жертвы и дружно хаяли подследственного, а сам он знай повторял одно имя: Тина. Тина-Тина-Тина, — без конца твердил Васко, как будто это заклинание могло ее вернуть. Спросите у Тины, упорно говорил Васко, но эта самая Тина, жаловался следовательно, сотрудничать со следствием отказывалась; Васко же отсылал его к тетради: все в ней, прочитайте стихи.

Хоть вы мне объясните? — взмолился тогда следователь.

Я слыл лучшим другом Васко. И был одним из самых близких друзей Тины. Вот почему он, следователь, возлагал особые надежды на меня. Я согласился разъяснить ему все, что он хочет, и даже, если угодно, дать толкование стихам, предупредив, однако, что это может занять много времени и ему придется запастись терпением. Раскрыть это дело — это целое дело!

Мне платят, сказал он, за то, чтобы я слушал, что мне скажут.

С чего начать?

Расскажите о ней. О Тине.